

Санкт-Петербургский государственный университет

Линь Хаодун

Выпускная квалификационная работа

Импликация причинно-следственных отношений в экодискурсе (на материале доклада Римского Клуба "Пределы роста"/"The Limits to Growth")

Уровень образования: бакалавриат

Направление 45.03.01 "Филология"

Основная образовательная программа СВ5040

"Английский язык и литература"

Профиль "Английский язык и литература"

Научный руководитель:

ст. преподаватель,

кафедра иностранных языков и
лингводидактики

Тимофеева Е.К.

Рецензент:

доцент,

кафедра русского языка как
иностранного и методики его
преподавания

Ерофеева И.Н.

Санкт-Петербург

2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. КАУЗАЛЬНОСТЬ В ФИЛОСОФИИ И ЯЗЫКОЗНАНИИ	5
1.1. Основные концепции причинности в философии.....	5
1.2. Причинность в языкознании как отражение философской категории каузальности.....	8
1.3. Выражение каузативных конструкций в языке.....	14
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I.....	21
ГЛАВА II. ИМПЛИКАЦИЯ КАК СПОСОБ ПОСТРОЕНИЯ КАУЗАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ В ДИСКУРСЕ.....	22
2.1. Имплицитность и импликация.....	22
2.2. Импликация как способ построения каузальных связей.....	29
2.3. Импликация в дискурсе.....	31
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II.....	36
ГЛАВА III. ИМПЛИКАЦИЯ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ТЕКСТЕ ДОКЛАДА РИМСКОГО КЛУБА «ПРЕДЕЛЫ РОСТА» («THE LIMITS TO GROWTH»)	38
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ III.....	49
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	50
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	52
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ.....	55

ВВЕДЕНИЕ

Нахождение причинных (каузальных) связей является свойством человеческой психики, и вполне естественно, что язык, как порождение человеческого сознания эти связи отражает.

Но такие связи в языке могут выражаться не только эксплицитно, т.е. через вербальное выражение смысла, но и имплицитно - путём его подразумевания. Особенно интересно посмотреть каким образом такие связи выражаются в дискурсе, одной из задач которого является создание и трансляция новых знаний.

Мы считаем, что в наше время, когда информация стала одним из главных способов влияния на сознание, нам стоит лучше разобраться в способах её изложения и их возможного влияния на психику. Это и определяет **актуальность** этой работы.

Цель данной работы - выявить характерные способы имплицитного выражения каузальности в докладе Римского клуба "Пределы роста" (как примера дискурса).

Цель ставит перед нами такие **задачи**:

- 1) рассмотреть основные концепции причинности в философии и языкознании;
- 2) изучить каузальные конструкции в языке;
- 3) изучить явление имплицитности;
- 4) исследовать феномен дискурса;
- 5) провести анализ имплицитного выражения каузальных конструкций в докладе "Пределы роста"

Объектом исследования является упомянутый выше доклад.

Предметом исследования - способы имплицитного выражения каузальности в нём.

В исследовании планируется применить **методы** сплошной выборки, классификационный, описательно-аналитический, метод компонентного анализа.

В качестве **материала** исследования мы возьмём выборку из отрывков доклада.

Задачи определили следующую структуру - каждая отдельная глава будет нацелена на решение одной или нескольких из них.

После проведения аналитической части, заявленной как 5-ая задача, будет дано заключение, подводящее итог работе.

ГЛАВА I. КАУЗАЛЬНОСТЬ В ФИЛОСОФИИ И ЯЗЫКОЗНАНИИ

1.1. Основные концепции причинности в философии

Каузальность (причинность) – это одна из основополагающих категорий современной философии, которая исследуется еще с античных времен. Во время исследования термина нами был сделан вывод, что взгляды философов на тему причинности разнятся и порой весьма неоднозначны.

Так, если изучить термин «причинность» со стороны античных философов, то можно сделать вывод, что они формулировали его «Из чего состоит?». Согласно высказыванию Аристотеля «Они (анатомисты) утверждают, что отличия (атомов) суть причины всего остального. А этих отличий они указывают три: очертание, порядок и положение. Ибо сущее, говорят они, различается лишь «строем», «соприкосновением» и «поворотом»»; из них «строй» - это очертания, «соприкосновение» - это порядок, «поворот» - положение; а именно: А отличается от N очертаниями, AN от NA – порядком, Z от N – положением. А вопрос о движении, откуда или каким образом оно у существующего, и они подобно остальным легкомысленно обошли.» [Аристотель, 1975, т. 1 : 75].

Именно его работы стали первыми, в систематизации принципов причинности. Аристотеля не удовлетворяло сведение причинности лишь к вопросу атомного строения материала, поскольку этот материал не может сам себя изменить, «сам вызвать свою перемену» [Аристотель, 1975, т. 1: 72]. Он предложил системное рассмотрение причинности, выделяя 4 их типа.

1. Сущность (сущность бытия);
2. Материя (субстрат);
3. Откуда начало движения;
4. Причина, противолежащая последней («то ради чего» или же цель, у Аристотеля «благо»).

Средневековые схоласты дали латинские определения 4-м аристотелевским причинам, не меняя их сути: *causa formalis* («что есть по сути»), *causa materialis* («из чего состоит»), *causa efficiens* («откуда взяло начало движение» или движущая причина), *causa finalis* («ради чего изменения») соответственно. В дальнейшем главное внимание стало уделяться 3-й, или движущей, причине. Аристотель тоже выделял её среди прочих и определял как «то, откуда исходит первое начало изменения состояния покоя».

Механический материализм (примерно в XVIII веке) перенёс механические законы физики не только на все явления вселенной, но и весь мир в целом, в том числе на социально-исторические явления. Детерминизм причинных связей укрепился, но сузился до линейных связей между фактами. Связи могли находиться по принципу одновременного сосуществования, предшествования явлению А явлению В, или исчезновению А вместе с В. Ошибки при нахождении линейных зависимостей между причиной и следствием приписывались «незнанию тех уз, которые соединяют великие законы природы с системой мира в целом» [Орланов, 1987: 14 - 15].

Таким образом, в механическом материализме у всякого явления есть объективная причина, но незнание человеком физических законов не даёт её обнаружить.

Некоторые исследователи относят Демокрита к родоначальникам индетерминизма, последователи которого стали отрицать наличие любых причинно-следственных связей в окружающем мире, но мы считаем, что Демокрит по взглядам ближе к детерминистам, поскольку он говорил о необходимости как движущей силе явлений. Получается, что он был близок идейно Аристотелю с его 4-ой причиной - «благом», или «целью», в нашей интерпретации.

Теперь рассмотрим взгляд на каузальные связи с точки зрения индетерминизма. В этой связи нельзя не упомянуть и о направлении, ставшем

предтечей современного индетерминизма - позитивизме XIX века. Как противоположность объективистскому взгляду на реальность и, соответственно, на причинно-следственные связи, в рамках позитивизма выработалась своя особая концепция каузальности. Наиболее полную (в рамках позитивизма) причинно-следственных отношений создал Д. Юм. Он считал существование объективных каузальных сомнительными и недоказуемыми, и призывал «истинных философов» к воздержанию от «чрезмерного стремления к исследованию причин» [Юм, 1965, Т. 1:101]. По его словам, каузальные связи могут быть обнаружены только в области перцепции в психике и, вероятно, не выходят за пределы психической деятельности человека, т.е. они существуют только «в голове», но не в реальном мире. И, возможно, объясняются только спецификой работы человеческой психики.

Э. Мах пошёл ещё дальше Д. Юма, объявив, что в природе не существует ни причин, ни следствий. Так, по его мнению, понятие причинности зародилось от антимистических представлений дикаря, который проводил аналогию между странными для него явлениями природы и его собственными действиями. (Орланов, 1987: 15).

В конце концов позитивисты (и неопозитивисты) представили теоретические каузальные конструкты в виде формул, которые не имели никакого отношения к описанию реальных объективных связей в мире. Вот пример такой формулы «На формальном языке событие Y в момент времени T вызывается предшествующим событием X если и только если Y выводится из X с помощью законов L_j , известных в момент T » [Карнапп, 1959: 285].

В целом индетерминизм не стал господствующим течением, но он оказал существенное влияние на развитие новых концепций детерминизма. В частности, современные философы в основном отказались от линейной схемы причинно-следственных связей.

Мы видим, что детерминизм и индетерминизм не отрицают принципа

причинности самого по себе. Они просто по-разному смотрят на способ его отражения в человеческой психике. Для материалистов и детерминистов - в психике отражаются объективные, в том числе и причинные связи, внешнего мира, а для индетерминистов - психика сама выстраивает эти связи с минимальной опорой или совсем без неё, делая внутреннюю картину целиком или почти целиком субъективной.

1.2. Причинность в языкознании как отражение философской категории каузальности

В предыдущей главе мы убедились, что взгляды философов и представителей других наук на причинность крайне неоднородны, и даже на сам вопрос об объективном существовании причинно-следственных связей до сих пор не получено однозначного ответа.

Придерживаясь материалистических позиций, мы считаем существование причинности объективным и не зависящим от сознания человека явлением. Вообще, причинность - даже не явление, а способ связи явлений и предметов, существующий вне человеческого сознания.

Правда, такой взгляд на причинность разделяют не все. Однако, независимо от того, какую позицию занимает тот или иной исследователь, школа или направление по вопросу об объективном существовании причинной связи, субъективное существование причинности как одного из основных компонентов человеческого мышления не отрицает никто. Все сходятся во мнении, что человек мыслит категориями причины и следствия и именно через эти категории постигает окружающую действительность.

Если мы признаём причинность одним из основных компонентов человеческого сознания и закрепляем за языком роль инструмента мышления (средство познания), то логично будет предположить, что каузальность

отражается в человеческом языке, и лингвистическое отражение причинно-следственных связей - не что иное, как элемент психического отражения этих связей.

Мы определили, что и в философии (в разных школах) и в языкознании признают существование причинности. Теперь мы должны показать различия между тем как понимается причинность в этих двух областях человеческого знания.

Для того чтобы сравнить понятие причинности в философии и языкознании нам, для начала, надо дать определение причинности в этих двух областях.

Что касается философии, то мы в качестве рабочей версии выбрали определение данное Перминовым, поскольку оно универсально и чётко обозначает отношения между причиной и следствием.

Одно явление (причина) порождает или изменяет другое явление (следствие). Таким образом, причина является активным началом по отношению к следствию - пассивному началу. При этом подразумевается определенное взаимодействие, обратная связь между порождающим и порождаемым явлениями. Основными критериями определения причинной связи считаются необходимость и достаточность. «Необходимость и достаточность, - пишет В.Я. Перминов, - в определённых условиях единственные общезначимые моменты причинного отношения. Все остальные свойства, которые мы приписываем причинному отношению, порождены особенностями той или другой ситуации..., то есть факторами конкретного порядка» [Перминов, 1979: 41].

В вопросе о языковом статусе причинности мнения исследователей расходятся. Исследователи говорят о причинности как о понятийной и бытийной категории. Так Л.Д. Тарасова говорит, что «... причинность является одной из основных бытийных, универсальных категорий... Причинность, как одна из основных понятийных категорий, выражается в языке при помощи

лексических, синтаксических, словообразовательных, морфологических и других средств, образуя в языке функционально-семантическое поле причинности» [Тарасова, 1998: 55].

Причинность является не только понятийной категорией, отражённой в мышлении, а следовательно и в языке, но и, собственно, языковой. Поскольку является лексико-семантической категорией и может образовать функционально-семантическое поле причинности. Но здесь необходимо учесть тот факт, что в некоторых языках каузальность выступает как грамматически связанное значение и, соответственно, попадает в разряд грамматических категорий. Например, в ряде языков есть падежная форма каузатива или специфическая модель каузативного предложения.

Поэтому мы считаем причинность категорией бытийной, понятийной и языковой (грамматической и лексико-семантической).

Таким образом, в языке есть средства для выражения причинности. Другое дело - всегда ли в каузативных конструкциях в языке полностью отражён философский принцип причинности (когда одно явление (причина), согласно В.Я. Перминову, порождает или изменяет другое (следствие), являясь, при этом, необходимым и достаточным для появления этих изменений)?

Философское определение описывает идеальную, абстрактную ситуацию, а язык обслуживает любые сферы человеческой жизни. Человек, представляя в качестве причины одно из явлений, не всегда (намеренно или нет) даёт истинный стимул, порождающий следствие.

Так, если мы возьмём в качестве примера предложение *Дождь заставил её вернуться*, то под причиной мы будем понимать дождь - то есть событие, непосредственно предшествующее действию *она вернулась* и онтологически с этим действием связанное. Реально причиной может стать что-то ещё (человек изначально не желал никуда идти и дождь - скорее повод и т. п.), однако в подобных случаях причина зависит в основном от определённых, сложившихся

на данный момент условий. Учесть все эти условия мы зачастую бываем просто не в состоянии. Более того, попытка установить истинную причину того или иного объективного явления, лежащего вне сферы языка, может далеко увести нас от анализа конкретного языкового материала. Поэтому мы в своей работе словом «причина» будем обозначать то явление, которое именно говорящий считает причиной изменений, даже если он не даёт никаких логических обоснований. В этих условиях нам представляется целесообразным использовать другое, отличное от общепhilosophического, определение причинно-следственной связи для причинных конструкций представленных в языке.

Мы возьмём определение А.М. Аматова. *Под причиной он подразумевает какое-либо вмешательство в «нормальный» ход событий (не обязательно действие), а под следствием - изменение исходного (антецедентного) состояния той или иной системы, следующее за этим вмешательством, но никак не предшествующее ему.*

В целом, это определение сходно с определением В.Я. Перминова, но здесь нет принципа необходимости и достаточности.

Некоторые лингвисты (Т. Б. Алисова, Е. И. Шендельс) существенно сужают масштаб причинно-следственных связей и употребляют данный термин для обозначения далеко не всех построений, выражающих причинно-следственные отношения. К примеру, Т. Алисова считает, что каузальной следует считать такую ситуацию, когда активный объект прилагает «целенаправленное усилие» и вызывает некоторые изменения признаках объекта [Алисова, 1971]. Э. Шендельс говорит, что причинность может возникать только тогда, когда есть «отражение воли других».

Если согласиться с их определением причинности, то ранее приведённое нами предложение *Дождь заставил её вернуться* не может являться причинной конструкцией. Ведь нельзя сказать, что дождь проявил свою волю или

приложил целенаправленное усилие.

Такие определения исходят из философского определения причинности, где причина - начало активное, а следствие - пассивное. Отсюда, вероятно, и попытка приписать явлению или действию, которое является причиной, качества целенаправленности или намеренности. Что не всегда оправдано применительно к каузальным конструкциям в языке. Вспомним пример про дождь.

Следующий важный момент - это "позиция говорящего", т.е. автора каузальной связи построенной с помощью языковых средств. М.В. Ляпон оценивает каузативную связь как «такую связь ситуаций, при которой одна из них оценивается говорящим как достаточное основание для реализации другой» [Ляпон, 1988: 111].

Тут мы имеем дело с конкретной ситуацией описываемой этим самым "говорящим". В этой связи возникает вопрос - как соотносится каузальность выраженная в языке с причинно-следственной связью вне языка. В целом и в конкретных случаях.

Философы индетерминисты, такие как Юм, говорили о том, что каузальность во внешнем мире "придумана" человеческой психикой и не отражает истинной картины, а является просто психологическим свойством, упрощающим восприятие. Получается, что человек видит искажённую картинку реальности. И описывает он именно эту "кривую" реальность. Д. Льюис пошёл дальше, утверждая, что в процессе мышления человек использует даже не искривлённые картинки реальности, а образы, которые вообще не имеют ничего с внешней реальностью общего. Именно эти образы, или "ментальный язык" и переводится человеком на естественный (или символичный). Получается, что эти образы рождаются исключительно внутренним психическим миром. Такой подход получил название производный *антирепрезентационализм*, поскольку выраженное символическим языком является производным от ментальных образов,

которые, в свою очередь не репрезентуют ничего (кроме, возможно, качеств психики).

В таком крайнем случае выражаемое на языке референтно лишь к внутренней, созданной психикой, реальности, но не к внешней, окружающей.

Другой взгляд, семантический идеализм, также предполагает референцию, но не к самим предметам или явлениям, а к их образам в сознании человека. Иными словами, референция рассматривается как взаимосвязь между лингвистическим выражением и восприятием говорящим/слушающим предметов и явлений внешнего мира [Jackendoff, 1991; Abbott, 1997].

Согласно положениям семантического реализма, референция производится не к образу предмета или явления в сознании говорящего/адресата, а к самому предмету или явлению непосредственно [Abbott, 1997: 130].

Мы, вслед за А.М. Амазовым, считаем, что языковая референция существует к образам явлений в сознании, т.е. сигнификатам этих явлений. То что не представлено в психике, не просто не отражено, а не осознано, не может получить выражение в языке.

Итак, языковая референция происходит к сигнификатам и опосредуется законами работы человеческой психики. Ясно, что язык - это продукт работы человеческой психики, который опосредованно выражает внешние связи, в том числе и каузальные. Какие же тогда характеристики каузальных конструкций в языке. Какие критерии мы можем использовать чтобы их узнать?

По терминологии Г.Г. Сильницкого каузальная связь, выраженная с помощью лингвистических критериев, включает две ситуации: «антецеденты» (первичные) и «терминальная» (конечная), т.е. то, что было до и стало после результирующего воздействия субъекта на объект. Соответственно, каузальное высказывание должно содержать две пропозиции: причинную и следственную. Исходя из вышеизложенного, логичным выглядит следующее определение причинной конструкции:

каузальная конструкция - это построение, которое соответствует лексическим и грамматическим правилам конкретного языка и включает две пропозиции: имплицитную (причина) и имплицитную (следствие).

В настоящем определении мы стремимся подчеркнуть основную логическую операцию, лежащую в основе любого каузального построения любого (естественного или искусственного) языка - импликацию. При этом импликация связывает в данном случае не два явления объективного мира (денотаты) и не два элемента языковой структуры (сигнификаторы), а две пропозиции, референтные к сигнификатам.

1.3. Выражение каузативных конструкций в языке

Причинность - неотъемлемая черта человеческого мышления, а если считать, что построение текста (речи) соответствует ходу мысли, то каузальность не просто является неотъемлемым атрибутом структуры текста, но лежит в основе этой структуры.

Как отмечает А.М. Амагов, существуют несколько видов трансструктурных связей, которые делают текст цельным для восприятия и придают ему логическую связность. Среди таких связей, или, как он выражается, скреп: релевантность агентов, единство места и времени, контраст (в принципе, любое изменение) и каузальность, или причинная обусловленность.

Причинно-следственные связи наиболее явно видны на диктемном уровне.

Понятие диктемы предложил М.Я. Блох [Блох, 2000]. Он считал, что язык представляет из себя иерархическую структуру, которая проявляет себя при построении речевых произведений. Она состоит из шести языковых единиц-уровней: фонема, морфема, слово, словосочетание, денотема, предложение, диктема, текст. Каждая единица более высокого уровня разлагается на одну или более единиц уровня на одну ступень меньше, действуя

по принципу реверсии. Так, к примеру, одна или более морфем составляют слово, а слово, в свою очередь можно обратно разложить на входящие в него морфемы.

Еще в 1938 году Л.А. Булаховский говорил о "сверхфразовом единстве", а Н.С. Пospelов о "сложном синтаксическом целом" [Булаховский, 1938; Пospelов, 1948]. И.Р. Гальперин дал точное определение такого единства: "сложное структурное единство, состоящее более чем из одного самостоятельного предложения, обладающее смысловой целостностью в контексте связной речи и выступающее как часть завершенной коммуникации" [Гальперин, 1981: 69]. Блох, соглашаясь с таким определением, назвал эту языковую единицу диктемой и поставил её на уровень между предложением и текстом.

Диктемы объединены общей тематикой, и в тексте, обычно представлены в виде абзацев. В них, по мнению И.С. Ленской [Ленская, 1998], раскрывается имплицитный на других языковых уровнях смысл сообщения.

Каузальные цепочки могут быть построены как в рамках одной тематически оформленной диктемы, так и развиваться между диктемами.

Приведём пример существования междиктемной причинной связи.

The new LNE model was designed for the mining of boron in the asteroid belt. The boron hydrides were increasing in value yearly as primers for the proton micropiles that carried the ultimated load of power production on spaceships, and Earth's own meager supply was running thin. Physically, that meant that the LNE robots would have to be equipped with eyes sensitive to those lines prominent in the spectroscopic analysis of boron ores and limbs most useful for the working up of ore to finished product. As always, though, the mental equipment was the major problem (I. Asimov).

Очевидно, что в данном случае две диктемы (обозначим их буками p и q) тесно связаны друг с другом, и эта связь носит причинно-следственный

характер. Обозначим ее как $p \Rightarrow q$. Это означает, что последующая диктема вытекает из предыдущей. Если свести диктемы к предложениям, выражающим две микроситуации, получим примерно следующее:

The new LNE model was designed for the mining of boron \Rightarrow

The LNE robots would have to be equipped with special eyes and limbs.

Далее, ситуация сводима к одному сложноподчиненному предложению, например:

The new LNE robots were designed for the mining of boron, and therefore they would have to be equipped with special eyes and limbs.

Здесь, по существу, происходит сжатие двух диктем в одну, т.е. своего рода «компрессия» текста. Подобный прием, кстати, достаточно часто используется в дидактических целях. Интересно здесь то, что причинная связь в последнем выражается эксплицитно (союзом *therefore*), и мы уже имеем дело не с каузальностью в построении текста, а лишь с выражением причинно-следственных отношений языковыми средствами на уровне предложения.

Первый и второй образцы демонстрируют линейную причинно-следственную зависимость между двумя диктемами, т.е. диктема-причина предшествует диктеме-следствию, причем предшествует ей непосредственно, и никаких других диктем между ними нет.

Междиктемные связи обеспечивают связность текста, а внутридиктемные, соответственно связность элементов самой диктемы.

Причинно-следственные отношения на уровне диктемы - это те каузальные связи, которые выражаются в диктеме посредством единиц более низких уровней (морфем, слов, денотем, предложений). Здесь, как уже говорилось выше, семантика нижележащих единиц аккумулируется именно в диктеме и через неё находит выход в текст. Иными словами, любая морфема, слово, синтаксический оборот или предложение с каузальным значением передают

своё содержание диктеме, и именно в ней раскрывается их смысл.

Рассмотрим пример.

He only said: "Mr. Merton can see you in about ten minutes, " but it served for a signal to break up the gossiping group. Old Crake said he must be off, and his nephew went out with him and his legal companion, leaving Father Brown for a moment alone with his secretary; for the negroid giant at the other end of the room could hardly be felt as if he were human or alive; he sat so motionless with his broad back to them, staring towards the inner room (G.K. Chesterton).

Здесь прослеживается каузальная связь между действием секретаря (*He only said*) и действием остальных присутствующих (*Old Crake said he must be off...*). Данная связь оформлена предложением *...but it served for a signal to break up the gossiping group*, в котором выделяется каузатив *break up*.

Таким образом, вся каузальная ситуация, обозначенная в данной диктеме, может быть сведена к этому предикату (две морфемы) или даже к морфеме *break*, которая актуализирует своё значение в рамках указанной диктемы - *A broke up B*. Здесь следует также упомянуть и существительное *signal*, которое воспринимается как побуждение к действию и, как правило (хотя и не обязательно), подразумевает определённую реакцию адресата. Итак, в основном каузальное значение здесь выражается лексемой (морфемой) *break* и передаётся всей диктеме, получая через не выход в пространство текста.

Таким образом, роль каузальных отношений как скрепы текста, связывающей различные его элементы воедино, наряду с единством места, времени, действующих лиц, контрастных отношений и пр., не вызывает сомнений. Каузальные связи подобного рода мы подробнее рассмотрим ниже, а пока вернёмся к внутридиктемным причинно-следственным построениям.

В пределах одной диктемы могут выражаться сразу несколько причинно-следственных зависимостей, причём это могут быть как собственно причины, так и обоснования тех или иных умозаключений. Рассмотрим

следующий пример:

"Look at that blacksmith, for instance, " went on Father Brown calmly; "a good man, but not a Christian - hard, imperious, unforgiving. Well, his Scotch religion was made up by men who prayed on hills and high crags, and learnt to look down on the world more than to look up at heaven. Humility is the mother of giants. One sees great things from the valley; only small things from the peak (G.K. Chesterton).

в предложении *...a good man, but not a Christian ~ hard, imperious, unforgiving* мы имеем дело с причиной-обоснованием, когда определённые обстоятельства позволяют говорящему сделать тот или иной вывод. Эту мысль можно выразить эксплицитно, например, при помощи каузатива: *His being hard, imperious, unforgiving makes me conclude that he is not a Christian.*

Разумеется, о внешней (экстралингвистической) причинной связи здесь не может быть и речи. Если бы прилагательные *hard, imperious, unforgiving* относились к собственно причине, в таком случае мы могли бы представить данное предложение, например, в следующем виде: *His being hard, imperious, unforgiving made him not Christian*, что абсолютно неверно.

Однако уже в следующем предложении *... his Scotch religion was made up by men who prayed on hills and high crags, and learnt to look down on the world more than to look up at heaven* говорящий утверждает собственную причину явления, не зависящую от его личных знаний и воли, и завершает тем самым описание каузальной ситуации. Эта ситуация может быть выражена в таком виде: *His Scotch religion made him, hard, imperious, unforgiving*, что в целом соответствует идее, которую хочет выразить говорящий.

Анализируя данную диктему, необходимо также отметить и тот факт, что обе причинно-следственные связи не имеют формальных маркеров - причина и

следствие в них выражаются отдельными пропозициями, которые в разворачивающемся дискурсе приобретают значение каузальности, воспринимаются в связи друг с другом. То есть каузальность здесь выражена имплицитно, о чём подробнее будет сказано в следующей главе.

По расположению в речевом потоке причинных и следственных диктем мы, вслед за А.М. Амазовым, выделяем линейные и дискретные каузальные связи. При линейной связи причина и следствие выражаются в двух (возможно, более) смежных диктемах (например, $p \Rightarrow q$). При дискретной связи диктемы причины и следствия отделены друг от друга в речевом потоке одной или более диктемами, не входящими непосредственно в данную причинно-следственную зависимость (например, $p \Rightarrow (q, r)$). По последовательности выражения в тексте причины и следствия можно выделить следующие типы связей:

а) прямые ($p \Rightarrow q$, $p \Rightarrow q \Rightarrow r$ т.п.), в которых диктема, описывающая явление-причину, предшествует диктеме, описывающей следствие, что в целом соответствует онтологическому аспекту каузальности - от причины к следствию;

б) обратные ($p \Leftarrow q$, $p \Leftarrow q \Leftarrow r$ и т.п.), в которых следствие предшествует причине, что скорее характерно для гносеологического аспекта каузальной связи - познание причины часто происходит через познание следствия;

в) разветвленные ($p \Leftarrow q \Rightarrow r$; $p \Rightarrow q$, r пр.), включающие три или более диктемы, описывающие одну причину, которая порождает несколько следствий или же одно следствие, вызываемое сразу несколькими причинами.

При этом каузальные отношения между диктемами, как и в предложениях, могут выражаться не только эксплицитно (явные связи), но также и имплицитно (скрытые связи). Более того, как следует из приведенных примеров, концептуальные причинно-следственные отношения могут быть сведены к лексико-грамматическим путём компрессии.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I

Обобщим сказанное в первой главе в следующих выводах:

- 1) Причинность является философской, языковой, понятийной категорией отражённой в человеческой психике.
- 2) Философская категория причинности сходна по структуре с выраженной в языке: в обоих случаях она представляется как цепочка явлений, одно из которых является имплицитующим, а другое - имплицитуемым.
- 3) Причинность является элементом связности текста.
- 4) Первый уровень лексико-семантического проявления причинности - уровень морфемы.
- 5) Наиболее полно каузальные связи раскрываются в диктеме, где происходит аккумуляция имплицитуемых смыслов нижележащих единиц (морфемы, слова, денотемы, предложения).
- 6) Каузальные цепочки могут раскрываться как в одной, так и в нескольких диктемах; они могут быть как линейными, так и дискретными, как прямыми, так и обратными.

ГЛАВА II. ИМПЛИКАЦИЯ КАК СПОСОБ ПОСТРОЕНИЯ КАУЗАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ В ДИСКУРСЕ

2.1. Имплицитность и импликация

Понятие имплицитности применяется в разных областях научного знания. Главная для нас трудность состоит в том, что даже в одной области, языкознании, многие исследователи, используя это слово в своих работах, наделяют его разным смыслом, разным набором свойств, природой и действием. Поэтому, прежде чем подойти к задаче практического нахождения проявления имплицитности в тексте, нам, чтобы узнать её, необходимо разобраться на теоретическом уровне что она из себя представляет.

В настоящее время можно выделить несколько основных пониманий имплицитности [Ермакова, 2010: 46-48].

Во-первых, имплицитность понимают как форму знания. При таком понимании выделяют структурную и функциональную имплицитность. Структурную имплицитность связывают с особенностями семантики языковых единиц. Их значения всегда включают совокупность имплицитных (латентных) признаков, знание которых обуславливает корректное употребление слов носителями языка. Например, «нельзя корректно использовать слово “холостяк”, не зная, что значит “неженатый” и “муж-чина” [Dienz, 1999: 375]. Функциональная имплицитность создается в процессе употребления языковых единиц. Она обусловлена имеющимися у адресата фоновыми знаниями, позволяющими адресату правильно интерпретировать речевые сообщения: например, суждение «Король Франции лыс» подразумевает в качестве пресуппозиции существование короля Франции.

Во-вторых, имплицитность понимается как информация, т.е. воспринимаемые человеком сведения о чем-либо. Имплицитность при таком

понимании – та информация, которая домысливается адресатом сообщения, заставляет его приложить усилия для понимания сообщения. В такой трактовке имплицитность

представляет собой импликацию, содержащую «новую», выводимую информацию, и противопоставляется пресуппозиции, включающей уже известные, «старые» знания. Также в ряде работ выделяют референтную и рекурсивную имплицитную информацию [Ермакова, 2010: 22]. В зависимости от локализации выделяют скрытую в тексте (импликации) и скрытую вне текста (пресуппозиции) имплицитную информацию [Иванкова, 2007: 21].

Наконец, в-третьих, многие исследователи рассматривают имплицитность как часть содержания текста, понимаемого как единство всех основных элементов целого, его свойств и связей, существующего и выражаемого в определенной форме [Федосюк, 1988: 83]. Выделяют текстовое, подтекстовое и притекстовое содержание. В этой триаде имплицитное содержание рассматривается как особый подтекст – референциальный (связанный с какой-либо референтной ситуацией) или коммуникативный (реализующийся в процессе коммуникации).

Однако термины «подтекст» и «имплицитность» употребляются как синонимы лишь в ряде работ [Федосюк, 1988: 84]. Большинство ученых их разграничивают, но при этом по-разному трактуют различия между ними. Унайбаева Р.А. полагает, что импликация относится к слову и предложению, строится на причинно следственных связях, а подтекст относится ко всему тексту и является результатом его декодирования [Унайбаева, 1980: 22].

Согласно другой точке зрения, имплицитность как процесс «узнавания» человеком неявных знаний противопоставляется подтексту как результату этого процесса, представляющему собой готовый сложившийся смысл, который читатель воспринимает из текста. Наконец, импликация может рассматриваться как родовое понятие, которое включает в себя подтекст как одну из своих

составляющих.

Типы имплицитности также выделяются в соответствии с ее субстратом. В этом случае выделяют импликационал (по отношению к значению слова), эллипсис (по отношению к словосочетанию), лексический конверсив (по отношению к высказыванию), импликации (по отношению к предложению и тексту), пресуппозиции (по отношению к ситуации общения) и импликатуры (по отношению к дискурсу).

Дискуссионным остается также вопрос об источниках имплицитности. Многие ученые видят причину имплицитности в замысле автора текста. В этом случае говорят о преднамеренной и непреднамеренной авторской имплицитности. Преднамеренная авторская имплицитность реализуется в тексте с помощью таких приемов, как умолчание, аллюзия, использование прецедентных текстов, языковая игра, эвфемизация, использование фразеологических оборотов и др. Результатом непреднамеренной авторской имплицитности становится восприятие читателем таких смыслов, передача которых не была предусмотрена автором текста.

Сторонники интерпретативного подхода к имплицитности, напротив, полагают, что источником имплицитности является адресат (читатель). В этом случае текст рассматривается как интерпретативное поле читателя, который продуцирует смыслы. Эта точка зрения представлена в работах ученых-структуралистов, например, в статье Р. Барта «Смерть автора», в которой ученый развивает мысль о том, что, создав текст, автор «устраняется» и на первый план выдвигается читатель-интерпретатор [Барт, 1989]. Наконец, согласно третьей точке зрения, источником имплицитности является сам текст, в котором, благодаря актуализации значений слов и их ассоциативным связям, возможно продуцирование адресатом определенных смыслов, следовательно, правильность интерпретации со стороны интерпретатора обуславливается интенцией самого текста. Такая точка зрения позволяет рассматривать текст как

независимое самостоятельное образование, но совершенно не учитывает роли автора и интерпретатора текста.

Мы считаем, что на возникновение имплицитности в тексте оказывают влияние и замысел автора, и интерпретативные возможности читателя, и языковые средства создания текста.

Логично предположить, что имплицитность закладывается в текст автором, опознаётся там читателем, а поскольку имплицитность - сугубо языковое явление, то естественно, что для её создания используется инструментарий определённого языка.

Из общего обзора, сделанного на основании опубликованной в 2015 г. статьи Барышевой А.И. [Барышева, 2015] видно, что на настоящий момент существует явный разброд в терминологии и налицо смешение функционала разных по сути языковых приёмов передачи информации.

Для начала определимся с разницей в понятиях имплицитность и импликация. Исходя из самой формы слова, можно предположить, что имплицитность - это свойство информации, которая выражается с помощью импликации. А импликация является языковым приёмом передачи информации в тексте.

В логике импликация обозначает логическую операцию, связывающую два элемента А и Б по типу отношений «Если А, то Б» [Чахоян, 1979]. Наличие А (атецедента) подразумевает присутствие Б (консеквента), даже если его наличие вербально не высказано.

Похожая конструкция импликации и в языке.

Импликация здесь построение связки от выраженной эксплицитно языковыми средствами информации к невыраженной, но подразумеваемой. Это своеобразный дополнительный шаг, надстройка смысла, домысливание и додумывание, но на основе имеющейся, выраженной языковыми средствами информации.

Бондарко А.В. называет импликацией семантически не выраженные элементы, но вытекающие из них [Бондарко, 1978]. Его пример («Ты дойдешь гулять? — «Я устал»») отражает компонент А приведенной формулы, т. е. антецедент, а консеквент Б понятен из соположения вопроса и ответа и состоит в том, что второй собеседник гулять, отказывается и мотивирует отказ усталостью. Арнольд И.В. указывает, что импликация - это (проистекание) нового смысла на основании смысла полученного путём соотношения соположенных языковых единиц. Этот смысл подразумеваем, но не выражен вербально.

Мы бы сказали, что импликация - это акт выстраивания такого подразумеваемого смысла.

В качестве иллюстрации импликации приведём пример данный Арнольд И.В. [Арнольд, 1982]. Наполеону привезли портрет сына и он перед придворными демонстрирует отеческую нежность: «Глаза его отуманились, он глянулся на стул (стул подскочил под него) и сел на него против портрета» (Л. Н. Толстой, Война и мир). Импликация вытекает из взаимодействия смыслов предложения в скобках и описываемой ситуации. Имплицируется угодливость и раболепие придворных.

Импликация имеет свойства недосказанности

Теперь, для того чтобы узнать явление на практике и не спутать с похожими, нам нужно прояснить отличия импликации с другими языковыми приёмами со сходными свойствами.

а) Импликация и подтекст

Оба явления связаны с построением дополнительного смысла, не выраженного прямо на вербальном уровне.

Главное отличие этих явлений - это "уровень" их действия. Импликация реализуется в рамках одного фрагмента текста, «сверхфразового единства» (диктемы). Т.е. элементы антецедента не выходят за диктемные рамки. А

подтекст реализуется в макроконтексте, т. е. в масштабе всего произведения - его элементы нужно «распространены» по всему его тексту.

б) Импликация и эллипсис

Это разграничение очень удачно проведено в грамматике Р. Кверка и его соавторов [Кверк, 1982]. Разница между импликацией и эллипсисом, по мнению этих ученых, состоит в том, что эллипсис восстанавливается однозначно, а импликация имеет вариативную интерпретацию. В авторской речи эллипсис позволяет избегать повторения. Приведем пример: «Я разостлал бурку на лавке, казак свою на другой» (М. Ю. Лермонтов, Тамань).

Или другой пример «Я за свечку, свечка - в печку» [Друговейко-Должанская, 2014: 512]. Здесь возможна лишь небольшая вариативность слова: «Я за свечку (хватаюсь/берусь), свечка (убегает/скачет) - в печку». При этом сематически подразумеваемые слова близки, а грамматически однозначны. Хотя однозначность восстановления не предполагает неизменности грамматической формы, которая может меняться в зависимости от окружения консеквента. Что касается объема контекста, то совпадение границ эллипсиса с границами предложения необязательно. Эллипсис может появляться во взаимосвязанных репликах диалога. В «Ревизоре» Н. В. Гоголя городничий с тревогой спрашивает: «Где же он там живёт?» - «В пятом номере под лестницей», — отвечает Добчинский.

При этом в случае эллипсиса однозначно восстанавливаются недостающие языковые элементы, необходимые для понимания смысла. Это могут быть как отдельные слова, так и целые фразы. Для импликации более подходит восстановление, и даже конструирование, не языковых элементов, а дополнительного смысла, который может быть выражен, но уже вариативно, с помощью языковых средств.

в) Импликация и пресуппозиция

Арнольд И. В. понимает пресуппозицию как некоторое логическое условие

истинности предложения. [Арнольд, 1982] В таком понимании пресуппозиции тоже отвечает схеме А - Б. Развертывание на глубинном уровне не является при этом восполнением недостающего элемента, т. к. эта операция новой информации не дает, а связана с компонентным анализом и парадигматическими отношениями.

Пресуппозиция нужна для более полного понимания заложенного автором смысла. Многие авторы нередко ставят знак равенства между ней и фоновыми знаниями. И в этом смысле, значение предложенное Арутюновой - «представление о естественных отношениях между событиями» как раз уравнивает эти понятия.

Рассмотрим пример данный Арнольд И.В. Последняя песнь «Ада» в «Божественной комедии» Данте заканчивается словами: *E qundi uscimmo a riveder le stelle.*

«И здесь мы вышли вновь узреть светила» . Одна из имеющихся здесь пресуппозитций состоит в том, что там, куда они вышли (т. е. ада) Виргилий и Данте видеть звезд не могли, а раньше они звезды видели. Контекстуальным указателем служит модель с префиксом *gi-* со значением «вновь», которое передано в переводе отдельным словом. Вторая пресуппозиция передана в русском переводе при помощи гиперонима «светила». Раскрытие пресуппозиции новой информации не дает. Пресуппозиция не рематична. Следует заметить, что большинство авторов рассматривают пресуппозицию как связь чисто логическую и не содержащую эмоциональной, оценочной и т. п. информации.

Мы считаем, что пресуппозиция - это предварительное знание, дающее возможность полнее раскрыть смысл текста или попросту понять его. В примере из «Божественной комедии» таким предварительным знанием является то, что в аду неба, а следовательно и небесных светил тоже нет.

Таким образом, мы видим, что импликация отличается от эллипсиса

вариативностью, от подтекста более мелким масштабом, а от пресуппозиции новизной информации.

2.2. Импликация как способ построения каузальных связей

В предыдущем параграфе мы выяснили, что импликация является логической операцией связи явлений для обозначения следования события Б из А (консеквента из антецедента). Также импликация относится к подразумеваемому смыслу, который формально не обозначен с помощью языковых единиц, но вытекает из их взаимодействия/соотношения.

Если, как мы выяснили в первой главе, каузальная цепочка тоже представляет себя связь антецедента и консеквента, то можно предположить, что имплицитная каузальная связь подразумевает один из компонентов цепочки, чаще Б (консеквент).

Это действительно неплохо показывает простой пример Бондарко А.В. приведённый в предыдущем параграфе: «Ты дойдешь гулять? — «Я устал» [Бондарко, 1978]. Отсутствующий компонент - консеквент Б («Нет, я не пойду гулять») выводится из антецедента А (информации об усталости), которая, взаимодействуя с контекстом микроситуации «прогулки» и пресуппозицией о том, что при «усталости» у человека нет достаточно энергии, позволяет выявить подразумеваемый смысл (т.е. консеквент Б). Таким образом, наш консеквент Б родился из А с использованием контекста и пресуппозиции.

Как указывает Амагов А.М., пресуппозиция может быть «истинной» и «ложной» [Амагов, 2005]. Так, истинная пресуппозиция – это правильные представления говорящего о компетентности слушателя, а ложная пресуппозиция наоборот, представляет собой неверное мнение говорящего об этой компетентности.

Попробуем проиллюстрировать наши предположения о выстраивании

имплицитно выраженной каузальной цепочки на примере:

«As I raised the blind, and the morning sunlight flooded the room, I heard the Professor's low hiss of inspiration, and knowing its rarity, a deadly fear shot through my heart. As I passed over he moved back, and his exclamation of horror, "Gott in Himmel!" needed no enforcement from his agonized face. He raised his hand and pointed to the bed, and his iron face was drawn and ashen white. I felt my knees begin to tremble (B. Stoker).»

Данная микроситуация позволяет выделить одновременно несколько причинно-следственных связей.

Итак, в первом предложении мы можем легко установить причинную связь между фразами *I heard the Professor's low hiss of inspiration* и *a deadly fear shot through my heart*, хотя автор не использует лингвистические средства для выражения этой причинной связи.

Дело в том, что одно предложение описывает резкую смену эмоционального состояния человека (*a deadly fear shot through my heart*), неизменно воспринимается как имеющее причину, причем очень серьезную: внезапный и сильный страх не возникает сам по себе. Оборот *knowing its rarity* он указывает именно на эту причину, хотя сам по себе не является явным средством выражения причинности. Этот оборот лишь задействует пропозицию о том, что если человек ведёт себя несвойственным ему образом, то на это должна быть причина. Таким образом, имея в тексте лишь косеквент Б (*a deadly fear shot through my heart*), антецедент А выводится с помощью пропозиции, которая наводит на мысль о том, что в данном случае имеет место экстраординарное событие (которое и вызвало несвойственную реакцию профессора), именно предчувствие оного сковывает сердце персонажа.

Данную каузальную цепочку можно показать в виде предложенной в предыдущей главе схеме: $p+q+q' \Rightarrow r$. Где p - это возглас профессора, q - знание персонажа о нехарактерности такого поведения, q' - пропозиция (предварительное знание), что нехарактерное для людей поведение свойственно лишь в экстренной ситуации, r - страх как предчувствие такой ситуации.

Аматов А.М. пишет, что на практике всегда существует определенный баланс, определенная мера пропорции между явными и неявными способами передачи причинных значений. Этот баланс обеспечивается рядом факторов: знанием ситуации и предпосылок, стилистических особенностей языка, типа общения и т. д. Это правильный баланс между явными и неявными средствами, который, с одной стороны, позволяет избегать перегрузки текста причинными конструкциями, а с другой - сделать все доступные для адресата выводы, чтобы избежать туманности и двусмысленных толкований. Из чего мы можем заключить, что имплицитно выраженной информации не должно быть слишком много, а если она даётся, то для её правильной расшифровки должны быть в наличии средства: смысловой контекст отрывка, информация имеющая явное выражение через семантические средства, пресуппозиция. Пресуппозиция же, как мы заметили ранее в данном параграфе, должна быть истинной, т.е. единой для автора и читателя произведения.

2.3. Импликация в дискурсе

Понятие дискурса сложное и многозначное. В современной отечественной и зарубежной лингвистике отсутствует четкое и общепризнанное определение дискурса и границы его содержания не являются точно установленными. Это понятие используется в ряде научных дисциплин: социология, социолингвистика, философия, антропология, лингвистика, литературоведение

и других, и такое использование приводит к его неоднозначному толкованию.

Слово «discours» впервые появилось в V в. в латинском языке и означало «беседа, разговор». В 1860 г. в словаре немецкого языка было зафиксировано определение дискурса как «речь, лекция». Это был период расцвета лингвистики текста, которая отличалась от предшествующих исследований тем, что вместо предложения объектом исследования стал текст как цепь высказываний, связанных целостностью, связностью и завершенностью.

Среди ученых не было единого мнения по поводу терминологии лингвистики текста, некоторые исследователи считали некорректной саму область лингвистики текста. В ряде лингвистических трудов текст связной речи стали обозначать термином «дискурс». Слово дискурс стало полисемичным.

Современная теория дискурса начала складываться во второй половине XX в. Одной из фундаментальных задач этой науки стало лингвистическое определение понятия дискурса. В ходе попыток дифференциации понятий текста и дискурса было установлено, что текст является более общим понятием, в то время как дискурс – более специализированным, т.е. любой дискурс есть текст, но не любой текст – это дискурс.

В отечественной лингвистической науке, общепризнанной считается трактовка Арутюновой Н. Д. , которая определяет дискурс как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте» [Арутюнова, 1988: 136]. Автор подчеркивает невозможность рассмотрения текста в отрыве от жизненного контекста, в котором он воспроизводится. По этой причине Н. Д. Арутюнова считает неподходящим применение термина «дискурс» по отношению к древним текстам, связь которых с «жизненным, событийным контекстом» восстановить часто не представляется возможным.

Арутюнова Н. Д. также выделяет способность дискурса оказывать

«целенаправленное социальное действие» [Арутюнова 1988: 136]. Таким образом, можно утверждать, что цель дискурса - воздействовать на адресата речи.

Тарнаева Л.П. обращает внимание на то, что дискурс отражает ментальные процессы участников речевого общения, он связан, в одной стороны, с познанием, осмыслением и презентацией мира говорящим, с другой - осмыслением, реконструкцией языковой картины мира автора высказывания реципиентом [Тарнаева, 2011: 105]. При порождении дискурса, так и при его восприятии происходит оперирование знаниями и создание новых знаний, которые представлены в трактовке одних исследователей в виде фреймов и фреймовых сценариев, моделирующих типовую структуру некоторого события или ситуации, другие - как взаимодействие концептов, составляющих содержание индивидуальных когнитивных пространств участников общения.

Дискурс - это речемыслительная деятельность, в процессе которой происходит непрерывная обработка поступающего извне в сознание индивида информационного потока. Результатом данной речемыслительной деятельности является порождение связных высказываний, объединяющихся в процессе общения в когерентное целое - микро или макро-тексты.

Но всё вышесказанное является и характеристиками текста: он тоже создаётся и раскрывает содержание в процессе речемыслительной деятельности, для его при его порождении и восприятии также происходит оперирование приобретёнными и создание новых знаний. Какого же соотношение дискурса и текста?

Основные тенденции соотношения понятий дискурса и текста сводятся к следующему: а) дискурс реализуется в устной речи, текст - в письменной, соответственно, текст рассматривается как вербальная запись коммуникативного акта; б) текст является областью лингвистического анализа, представляя собой языковые формы, временно и искусственно изолированные от контекста для

нужд анализа, дискурс же рассматривается и в лингвистическом, и в социолингвистическом аспекте как значимое и общее для участников взаимодействие текста и контекст; в) дискурс и текст соотносятся как процесс и результат [Тарнаева, 2011: 102].

Концепция Бахтина М.М. о диалогизме человеческого мышления послужила основой точки зрения, согласно которой дискурс и текст стали рассматриваться как единое целое. Любое произведение, по Бахтину, рождается в ответ на другое, следовательно, деление на "слушающего-говорящего", "пишущего-читающего" не отражает реального общения, поскольку всякое понимание речи носит активно ответный характер, всякое понимание чревато ответом [Бахтин 1975: 260]. Автор письменного текста всегда надеется на ответ.

Таким образом, текст и дискурс не противопоставляются, а рассматриваются как равноположенные категории: устный и письменный дискурс, каждый из которых имеет подтипы. Они оба встраиваются наряду с ситуацией реальной действительности в единую систему - процесс коммуникации.

Ряд исследователей рассматривает дискурс и текст в терминах видо-родовых отношений. Здесь существуют два подхода. В соответствии с одним, дискурс понимается как единица текста, представляющая собой "сложное целое или выделяемое содержательное единство, которое на уровне языка реализуется в последовательности предложений, связанных между собой смысловыми отношениями". Будучи единицей текста, дискурс служит реализации основного замысла текстообразования. Если текст в целом определяется основной темой, то дискурс может быть представлен подтемой, в свою очередь, имплицитно содержащей субподтемы и микротемы. Порождение текста заключается в актуализации подтем, субпотем и микротем, их ветвлении и развертывании. В соответствии с таким пониманием, отдельные фрагменты дискурса образуют текст - единую иерархически организованную

семантическую структуру, объединённую коммуникативной интенцией автора [Тарнаева, 2011: 103].

Сторонники другого подхода к трактовке видо-родовых отношений дискурса и текста рассматривают текст в качестве единицы реализации дискурса. При этом дискурс выступает в единстве процессуальных и результирующих составляющих: по отношению к речевому общению дискурс предстаёт как социально детерминированный тип его осуществления, речевая деятельность выступает как способ осуществления общения, текст - как форма его осуществления. Текст воплощается в определённой форме и характеризуется: а) темой речевого общения; б) речевым жанром; в) композиционным построением; г) спецификой языковых средств. При этом следует подчеркнуть, что текст и дискурс являются взаимосвязанными категориями. Дискурс представляет собой совокупность текстов, порождённых в процессе коммуникации, текст - результат дискурса, т.е. дискурс находит выражение в тексте и посредством текста.

По словам Тарнаевой Л.П. событийная ситуация выражается посредством дискурса и реализуется в тексте [Тарнаева, 2011: 103].

Получается, что текст - это выражение и отражение дискурса, и если дискурс, как долгая дискуссия, объединяет множество текстов, то каждый отдельный из последних является частью большого дискурса, и все характеристики дискурса должны быть отражены в тексте (речемыслительный характер его порождения и раскрытия, отражения событийной составляющей, использование имеющихся и порождение новых знаний).

Таким образом, взяв один из текстов, в которых реализуется дискурс, мы можем рассмотреть его на языковом уровне, а точнее выявить каким образом там реализуется импликация.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II

1) Имплицитность является свойством выражения информации, а импликация - способом её выражения.

2) Импликация является таким способом подачи информации, при котором она не выражена вербально, но её смысл вытекает (выводится) из сочетания других языковых единиц и явлений.

3) Импликация может быть практически разграничена с другими способами выражения информации через её подразумевание: от эллипсиса она отлична вариативностью, от контекста - более мелким масштабом (она реализуется на уровне микроситуации или же диктемы), от пресуппозиции - новизной получаемой информации.

4) Каузальная цепочка может быть выражена в тексте путём импликации, при этом один из её компонентов (антецедент или консеквент) будет при этом подразумеваться и выводиться путём сложения выраженных вербально смыслов.

5) При построении имплицитно выраженной каузальной цепочки может понадобиться использование пресуппозиции.

6) Текст - это выражение и отражение дискурса, и если дискурс, как долгая дискуссия, объединяет множество текстов, то каждый отдельный из последних является частью большого дискурса, и все характеристики дискурса должны быть отражены в тексте (речемыслительный характер его порождения и раскрытия, отражения событийной составляющей, использование имеющихся и порождение новых знаний).

7) Взяв один из текстов, в которых реализуется дискурс, мы можем рассмотреть его на языковом уровне, а точнее выявить каким образом там реализуется импликация, включая импликацию каузальных связей, как частный её случай.

ГЛАВА III. ИМПЛИКАЦИЯ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ТЕКСТЕ ДОКЛАДА РИМСКОГО КЛУБА «ПРЕДЕЛЫ РОСТА» («THE LIMITS TO GROWTH»)

Любой текст - это ответ на какое-то заявленное мнение, теорию, событие и т.д. «Текст взятый в событийном аспекте» - это уже часть дискурса, т.е. дискуссии на какую-то тему [Арутюнова, 1988]. На какие же события, мнения, теории даёт ответ доклад «Пределы роста»?

1970е гг. - годы экономической стагнации [Chapman, 1989: 17; Шаталов-Давыдов, 2010: 189]. Экономический рост построенный на росте промышленного производства и росте индивидуального потребления стал буксовать. Экономисты принялись искать способы возобновления этого роста. Доклад Римского клуба тоже вложил свою лепту в эту дискуссию. Его авторы подошли к проблеме с неожиданной стороны. По их мнению, рост основанный на увеличении потребления благ и увеличении числа потребителей - тупиковый вариант, он лишь приведёт ещё к большему и уже окончательному кризису, причиной которого будет полное и окончательное истощение ресурсов Земли. Главный их тезис - ресурсы ограничены, это естественное ограничение роста экономики и роста численности населения. Пренебрегая этим ограничением, человечество движется к катастрофе. Весь текст доклада посвящён доказательству этого тезиса.

Нас, в данной связи, интересует использовали ли авторы для доказательства данного тезиса каузальные цепочки и особенно с имплицированными их членами (антецедентами и консеквентами). Если использовали, то насколько часто, с какой возможной целью и какого типа цепочки были им предпочтительней.

Вообще, весь текст книги разделён на главы, посвящённые подтемам:

производство продуктов питания, загрязнение окружающей среды, технологии. При этом выводы сделанные в одной главе не остаются там же, а переходят в другие в качестве уже утверждённых тезисов. Презентация самих каузальных цепочек происходит нередко с помощью импликации. Рассмотрим пример.

Даны три идущие друг за другом диктемы (обозначенные в нашем случае номерами, а в тексте параграфами).

(1) *The primary resource necessary for producing food is land. Recent studies indicate that there are, at most, about 3.2 billion hectares of land (7.86 billion acres) potentially suitable for agriculture on the earth. Approximately half of that land, the richest, most accessible half, is under cultivation today. The remaining land will require immense capital inputs to reach, clear, irrigate, or fertilize before it is ready to produce food. Recent costs of developing new land have ranged from \$215 to \$5,275 per hectare. Average cost for opening land in unsettled areas has been \$1,150 per hectare.⁷ According to an FAO report, opening more land to cultivation is not economically feasible, even given the pressing need for food in the world today.*

(2) *Of course, society will not be suddenly surprised by the "crisis point" at which the amount of land needed becomes greater than that available. Symptoms of the crisis will begin to appear long before the crisis point is reached. Food prices will rise so high that some people will starve; others will be forced to decrease the effective amount of land they use and shift to lower quality diets. These symptoms are already apparent in many parts of the world. Although only half the land shown in figure 10 is now under cultivation, perhaps 10 to 20 million deaths each year can be attributed directly or indirectly to malnutrition.*

(3) *There is no question that many of these deaths are due to the world's social limitations rather than its physical ones. Yet there is clearly a link between these two*

kinds of limitations in the food-producing system. If good fertile land were still easily reached and brought under cultivation, there would be no economic barrier to feeding the hungry, and no difficult social choices to make. The best half of the world's potentially arable land is already cultivated, however, and opening new land is already so costly that society has judged it "uneconomic." This is a social problem exacerbated by a physical limitation.

На этом примере мы видим, что общая цепочка складывается постепенно, путём образования междиктемных связей. В 1-ом отрывке (1) даётся антецедент - дороговизна обработки новых земель, во втором (2) вывод о невозможности обработки земель происходит в виде имплицитной логической операции: невозможность происходит от нерентабельности, следовательно, её не будет. Таким образом, для следующей эксплицитной цепочки невозможность освоения новых земель - снижение качества питания и смерть от голода, первый её элемент, антецедент формируется через импликацию и междиктемную связь.

В следующем, 3-ем, отрывке (3), каузальная цепочка: смертельные случаи от голода связываются с социально-экономическими причинами (ясными из контекста предыдущего отрывка, а именно системой нерентабельности разработки земли). Эта цепочка выражена эксплицитным способом - причинная связь даётся на явном, семантическом уровне, с помощью союза «due to»: *There is no question that many of these deaths are due to the world's social limitations rather than its physical ones.*

(4) Even if society did decide to pay the necessary costs to gain new land or to increase productivity of the land already cultivated, figure 10 shows how quickly rising population would bring about another "crisis point." And each successive crisis point will cost more to overcome. Each doubling of yield from the land will be more expensive than the last one. We might call this phenomenon the law of increasing

costs. The best and most sobering example of that law comes from an assessment of the cost of past agricultural gains. To achieve a 34 percent increase in world food production from 1951 to 1966, agriculturalists increased yearly expenditures on tractors by 63 percent, annual investment in nitrate fertilizers by 146 percent, and annual use of pesticides by 300 percent.¹¹ The next 34 percent increase will require even greater inputs of capital and resources.

Далее, в 4-ом отрывке (4) идёт ниспровержения социально-экономических причин затрудняющих обработку новых земель как несущественных. Даётся новая каузальная цепочка: новая затратная разработка земли приведёт только к увеличению населения и новому кризису. Кризис здесь мы понимаем из контекста как очередной дисбаланс "едоков" и доступных земель для производства пищи. Эта цепочка даётся вполне эксплицитными средствами, а именно через линейную связь типа "если-то": *Even if society did decide to pay the necessary costs to gain new land or to increase productivity of the land already cultivated, figure 10 shows how quickly rising population would bring about another "crisis point."*

Далее даётся ряд диктем, организованных в отдельные абзацы, которые развивают одну линейную длинную цепочку.

(5) How many people can be fed on this earth? There is, of course, no simple answer to this question. The answer depends on the choices society makes among various available alternatives. There is a direct trade-off between producing more food and producing other goods and services needed or desired by mankind. The demand for these other goods and services is also increasing as population grows, and therefore the trade-off becomes continuously more apparent and more difficult to resolve. Even if the choice were consistently to produce food as the first priority,

however, continued population growth and the law of increasing costs could rapidly drive the system to the point where all available resources were devoted to producing food, leaving no further possibility of expansion.

(6) The exponential growth of demand for food results directly from the positive feedback loop that is now determining the growth of human population. The supply of food to be expected in the future is dependent on land and fresh water and also on agricultural capital, which depends in turn on the other dominant positive feedback loop in the system-the capital investment loop. Opening new land, farming the sea, or expanding use of fertilizers and pesticides will require an increase of the capital stock devoted to food production. The resources that permit growth of that capital stock tend not to be renewable resources, like land or water, but nonrenewable resources, like fuels or metals. Thus the expansion of food production in the future is very much dependent on the availability of nonrenewable resources. Are there limits to the earth's supply of these resources?

(7) All of these possible courses involve trade-offs. The trade-offs are particularly difficult in this case because they involve choosing between present benefits and future benefits. In order to guarantee the availability of adequate resources in the future, policies must be adopted that will decrease resource use in the present. Most of these policies operate by raising resource costs. Recycling and better product design are expensive; in most parts of the world today they are considered "uneconomic." Even if they were effectively instituted, however, as long as the driving feedback loops of population and industrial growth continue to generate more people and a higher resource demand per capita, the system is being pushed toward its limit-the depletion of the earth's nonrenewable resources.

(8) What happens to the metals and fuels extracted from the earth after they have

been used and discarded? In one sense they are never lost. Their constituent atoms are rearranged and eventually dispersed in a diluted and unusable form into the air, the soil, and the waters of our planet. The natural ecological systems can absorb many of the effluents of human activity and reprocess them into substances that are usable by, or at least harmless to, other forms of life. When any effluent is released on a large enough scale, however, the natural absorptive mechanisms can become saturated. The wastes of human civilization can build up in the environment until they become visible, annoying, and even harmful. Mercury in ocean fish, lead particles in city air, mountains of urban trash, oil slicks on beaches-these are the results of the increasing flow of resources into and out of man's hands. It is little wonder, then, that another exponentially increasing quantity in the world system is pollution.

Эта каузальная цепочка при компрессии выглядит так: рост населения вынуждает все силы бросать на производство пищи - производство пищи связано с увеличением объема сельхозтехники - техника становится отходами - природа не успевает все отходы разлагать. При этом в каждой диктеме строится, чаще всего, один линейный фрагмент данной цепочки.

(9) Many people ... are concluding on the basis of mounting and reasonably objective evidence that the length of life of the biosphere as an inhabitable region for organisms is to be measured in decades rather than in hundreds of millions of years. This is entirely the fault of our own species.

Последняя, 9-ая диктема (9) даёт лишь консеквент. Приводящий к нему антецедент дан в предыдущих диктемах, он представляет из себя подвергнутую компрессии линейную зависимость: рост населения - рост отходов. В последней же, 9-ой диктеме, делается построение последней каузальной цепочки: рост населения приближает скорый конец биосферы. При этом антецедент

представляет из себя подвергнутую компрессии длинную цепочку, приведённую в предыдущем параграфе, которую мы, согласно мысли Аристотеля, что есть "запускающая причина", можем свести именно к такой, т.е. первоначальной причине - первому антецеденту в цепочке - росту населения.

Таким образом, мы можем увидеть, что в тексте, как в любом дискурсе, создаются новые знания. Эти знания оформляются в виде каузальных цепочек, формируясь от диктемы к диктеме, часто показывая междиктемные связи, когда антецедент или консеквент берётся из соседней или даже удалённой на расстоянии диктемы. Подразумевание одного из элементов цепочки даёт возможность, потратить усилия на выяснение антецедента, повторить предыдущие цепочки и закрепить предыдущие знания. Мы предполагаем, что таким образом, повторяя одни и те же элементы в качестве антецедента и консеквента, авторы создают новые фоновые знания и закрепляют их в памяти. Ещё лучше закрепляет знания последняя диктема с пропущенным антецедентом, который явно подразумевается, и который может быть развёрнут на основании операции импликации (если жизни на земле отсчитаны уже десятилетия, то этому должна быть причина). Данная импликация раскрывается с использованием ранее созданных цепочек, которые можно свести к одной линейной связи.

Похожая схема рассуждений даётся на страницах 71-87.

(10) The apparent goal of the present world system is to produce more people with more (food, material goods, clean air and water) for each person. In this chapter we have noted that if society continues to strive for that goal, it will eventually reach one of many earthly limitations.

В данном абзаце дана результирующая каузальная цепочка. Дана эксплицитными методами - с помощью линейной связи по типу "если, то", а

также наречия *eventually*, которое подчёркивает итог: если общество продолжит стремиться к обеспечению каждого индивида благами, то в итоге Земля исчерпает ресурсы. Здесь цепочка, также как и в нашем первом примере, дана в сжатом варианте: от запускающей причины (первой в цепочке) - к итогу. Имплицитно между ними заложены промежуточные причины, которые даются в предваряющих данный абзац диктемах.

(11) Let us begin by looking at the pollutants related to mankind's increasing use of energy. The process of economic development is in effect the process of utilizing more energy to increase the productivity and efficiency of human labor, In fact, one of the best indications of the wealth of a human population is the amount of energy it consumes per person (see figure 14). Per capita energy consumption in the world is increasing at a rate of 13 percent per year/ 6 which means a total increase, including population growth, of 3.4 percent per year.

(12) There is, however, another side-effect of energy use, which is independent of the fuel source. By the laws of thermodynamics, essentially all of the energy used by man must ultimately be dissipated as heat. If the energy source is something other than incident solar energy (e.g., fossil fuels or atomic energy), that heat will result in warming the atmosphere, either directly, or indirectly through radiation from water used for cooling purposes. Locally, waste heat or "thermal pollution" in streams causes disruption in the balance of aquatic life. Atmospheric waste heat around cities causes the formation of urban "heat islands," within which many meteorological anomalies occur. Thermal pollution may have serious climatic effects, worldwide, when it reaches some appreciable fraction of the energy normally absorbed by the earth from the sun.

Две данные диктемы можно выстроить в форме каузальных цепочек:

улучшение жизни человека связано с увеличением потребляемой энергии - при производстве энергии выделяется тепло - тепло повышает температуру атмосферы - земля не может поглотить это тепло.

(13) Carbon dioxide, thermal energy, and radioactive wastes are just three of the many disturbances man is inserting into the environment at an exponentially increasing rate. Other examples are shown in figures.

Следующая диктема (13) даёт добавочную информацию о выбросах в атмосферу.

(14) Since pollution generation is a complicated function of population, industrialization, and specific technological developments, it is difficult to estimate exactly how fast the exponential curve of total pollution release is rising. We might estimate that if the 7 billion people of the year 2000 have a GNP per capita as high as that of present-day Americans, the total pollution load on the environment would be at least ten times its present value. Can the earth's natural systems support an intrusion of that magnitude? We have no idea. Some people believe that man has already so degraded the environment that irreversible damage has been done to large natural systems. We do not know the precise upper limit of the earth's ability to absorb any single kind of pollution, much less its ability to absorb the combination of all kinds of pollution. We do know however that there is an upper limit. It has already been surpassed in many local environments. The surest way to reach that upper limit globally is to increase exponentially both the number of people and the polluting activities of each person.

В данной диктеме даётся линейная связь между достижением предельного уровня способности природы к переработке выбросов и одновременным

увеличением количества людей и энергозатрат на каждого из них. Эта линейная связь подкрепляется фразой "самый надёжный способ" достичь этого уровня - это... Т.е. здесь перефразируется комбинация "если, то", которую можно представить следующим образом: если количество людей и уровень их энергозатрат вместе с ними, то природа не сможет больше абсорбировать отходы.

(10) The apparent goal of the present world system is to produce more people with more (food, material goods, clean air and water) for each person. In this chapter we have noted that if society continues to strive for that goal, it will eventually reach one of many earthly limitations.

Далее мы возвращаемся к последней результирующей диктеме (10). Мы уже говорили в предыдущих абзацах, что данная каузальная цепочка представляет из себя сжатую линейную каузацию: если общество будет стремиться обеспечить каждого благами, то Земля быстро исчерпает ресурсы. В полном варианте данная цепочка раскрывается следующим образом: обеспечение благами каждого человека вызовет увеличение энергозатрат - энергозатраты вызовут выбросы отходов - Земля не сможет абсорбировать все отходы.

ИмPLICITный способ подразумевания данных элементов цепочки позволяет их мысленно повторить и тем самым закрепить, также как и сжатый её вариант: улучшение жизни человека вызывает быстрое исчерпание возможностей Земли к восстановлению.

Таким образом, мы видим, что подобный приём повторяется в тексте не один раз. Авторами используется последовательное построение многосоставной линейной каузальной цепочки, в основном при помощи эксплицитных средств: условных предложений, построенных по типу "если, то" и

лексико-семантических средств выраженных отдельными словами. Затем происходит её, этой цепочки, полное, но имплицитное, представление в результирующей каузальной цепочке, которая либо даёт один из элементов (антецедент/консеквент), либо только начальную (по Аристотелю запускающую) причину и конечный консеквент.

Возможно, это сделано для мысленного повторения и, тем самым, запоминания всей цепочки. Для этого же элементы цепочки неоднократно повторяются.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ III

1) Текст являющийся частью дискурса необходимо рассматривать в соответствующем его созданию событийном контексте. Текст книги "Пределы роста" является ответом на ведущуюся в 1970е гг. дискуссию о причинах экономической стагнации и возможностях её прекращения.

2) Весь текст книги разделён на главы, посвящённые подтемам: производство продуктов питания, загрязнение окружающей среды, технологии.

3) В каждой главе формируются длинные линейные каузальные цепочки, по типу $p \Rightarrow q \Rightarrow r \Rightarrow s \dots$ и т.д. Все элементы данных цепочек зачастую вербально выражены, а каузальность обозначена лексико-семантическими способами (чаще всего с помощью отдельных слов или условных предложений по типу "если, то"). В конце даётся результирующая каузальная цепочка имплицитно содержащая все элементы предварительно сформированных цепочек. В данной цепочке даются либо первая (запускающая) причина и итог, либо один из элементов системы: антецедент или консеквент.

4) Мы можем предположить, что такой подход помогает мысленно повторить предыдущие каузальные цепочки, и тем самым лучше их запомнить. А сжатая результирующая каузальная цепочка даёт возможность запоминания материала в сжатом, и тем самым, более компактном виде.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведя теоретический обзор природы каузальности в философии, мы пришли к выводу, что сама психика человека наделена свойством строить каузальные связи, а следовательно и отражать их в языке. Подобные связи могут отражаться на разных языковых уровнях, но наиболее полно они, аккумулируясь на более низких ступенях (морфеме, слове, деноте, предложении), отражаются на уровне диктемы.

Такие связи могут носить как эксплицитный так и имплицитный характер. Импликация является особым приёмом передачи информации через её подразумевание (при формальном отсутствии явного выражения на вербальном уровне). При имплицитно выраженной каузальной связи один из её элементов (антецедент или консеквент) может подразумеваться и выводиться на основании информации, представленной вербально через соотношение данных языковых единиц.

Дискурс, который является помещённый в событийный контекст текстом, не может обходиться без каузальных цепочек, которые обладают, в том числе, свойством связывать текстовое произведение.

Текст доклада Римского клуба "Пределы роста", взятый в событийном контексте 1970х гг., является частью дискурса, дискуссии, которая началась в ответ на экономическую стагнацию и ставила себе целью обсудить и найти способы выходы из неё.

В начале нашей работы мы поставили себе цель - выяснить наличие имплицитно выраженных каузальных связей в тексте доклада, определить их специфику, а также предложить объяснение их роли в дискурсе.

Проведя анализ нескольких глав доклада, мы пришли к выводу, что:

а) для текста характерны длинные эксплицитно выраженные каузальные цепочки, элементы которых могут неоднократно повторяться;

б) постепенно из этих коротких цепочек выстраивается одна длинная, которая в результирующей конечной цепочке подвергается компрессии, в результате которой у неё пропадают средние звенья, а остаётся только первая (движущая) причина и конечный результат;

в) такая результирующая цепочка выражается имплицитно, при этом импликация выражается 2 возможными способами: наличествует только 1 элемент - чаще консеквент, либо выпадают, но подразумеваются средние звенья.

Мы предполагаем, что, возможно, повторение элементов цепочки может способствовать лучшему запоминанию её элементов, этому же способствует и имплицитное развёртывание всей полноты цепочки в конце. Компрессия конечной цепочки может служить не только повторению элементов, но и тезисному запоминанию общего смысла, поскольку дискурс - это не только "ответ" на событие или речевое произведение, но и форма распространения знания.

Мы думаем, что психологи, исследующие мыслительную деятельность, смогли бы дать более точный ответ на вопрос о функции найденной нами формы импликации каузальной связи. Мы также надеемся, что результаты данной работы могут быть интересны журналистам.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алисова Т.Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка (семантическая и грамматическая структура простого предложения). М.: Изд-во МГУ, 1971. 29 - 4 с.
2. Амагов А.М. Причинно-следственные связи на разных уровнях языка: дисс. ... д. филол. наук. - Москва, 2005
3. Аристотель. Сочинения в 4-х т. / Аристотель. - М.: Мысль, Т. 1 - 1975. - 550 с., Т. 2. - 1978. - 687 с, Т. 3. - 1981. - 613 с, Т. 4. - 1983.-830 с.
4. Арнольд И. В. Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения // Вопросы языкознания, 1982. № 4. - С. 83-91.
5. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. Ленинград, 1981
6. Арутюнова Н. Д.. Понятие пресуппозиции в лингвистике. // В журн.: Известия АН СССР, сер. ЛиЯ. 1973, т. 32.
7. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. - 341 с.
8. Барт Р. Избранные работы: семиотика, поэтика / пер. с фр.; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. - 616 с.
9. Барышева А. И. Имплицитность в тексте и аспекты её анализа // Филологические науки. Вопросы теории и практики, № 8 (50) 2015, часть 1. - С. 18-20.
10. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. - 504 с.
11. Блох М.Я. Диктема в уровневой структуре языка // Вопросы языкознания, 2000, № 4. - С. 56
12. Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. Л., 1978
13. Булаховский Л.А. Курс русского литературного языка. Киев, 1938
14. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М. , 1981

15. Друговейко-Должанская С.В., Чердакова Д.Н. Школьный энциклопедический словарь. СПб, 2014. - 518 с.
16. Ермакова Е. В. Имплицитность в художественном тексте (на материале русскоязычной и англоязычной прозы психологического и фантастического реализма): автореф. дисс. ... д. филол. н. Саратов, 2010. - 46 с.
17. Иванкова И. В. Реализация категории имплицитности в современном художественном тексте: автореф. дисс. ... к. филол. н. Волгоград, 2007. - 21 с.
18. Карнапп, Р. Значение и необходимость. Исследование по семантике и модальной логике / Р. Карнапп. М.: Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1959. - 382 с.
19. Кверк Р., Гринбаум С., Лич Дж., Свартвик Я. Грамматика современного английского языка для университетов. М.: Высшая школа, 1982
20. Кривоносов А.Т. Каузальность в естественном языке с позиций формальной логики / А.Т. Кривоносов // Каузальность и структуры рассуждений в русском языке. М.: РГГУ, 1993. - 21 с.
21. Ленская И.С. Проблема невербализованного содержания текста // Проблемы вербальной коммуникации и представления знаний. Иркутск, 1998
22. Ляпон, М.В. Смысловая структура сложного предложения и текста. К типологии внутритекстовых отношений. М.: Наука, 1986. - 200 с.
23. Орланов, Г.Б. Идея детерминизма: исторические тенденции развития // Детерминизм и современная наука: Межвуз. сб. науч. тр. Воронеж: Изд-во Воронеж, гос. ун-та, 1987. - 9 с.
24. Перминов, В.Я. Проблема причинности в философии и естествознании. М.: Изд-во МГУ, 1979. - 223 с.
25. Пospelов Н.С. Сложное синтаксическое целое и основные особенности его структурны // Доклады и сообщения Института русского языка АН СССР. 1948. Вып.2
26. Тарнаева Л.П. Обучение будущих переводчиков трансляции культурно-специфических смыслов институционального дискурса: дисс. ... д.

пед. н. - Санкт-Петербург, 2011. - 100-105 с.

27. Унайбаева Р. А. Категория подтекста и способы его выявления (на материале англо-американской художественной прозы XX века): автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1980. - 22 с.

28. Федосюк М. Ю. Неявные способы передачи информации в тексте: учеб. пособие. М.: МГПИ, 1988. - 83 с.

29. Чахоян Л.П. Синтаксис диалогической речи современного английского языка. М., 1979

30. Шаталов-Давыдов Д.Ю. Возникновение концепции устойчивого развития: анализ экологического и политического дискурсов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2010, № 4 (20), - С. 187-194

31. Юм Д. Сочинения: В 2-х т. / Д. Юм. - М.: Наука, 1965. - 177 с.

32. Asimov I. Foundation's Edge. - London - New York: Panther Books, 1984. - 432 p.

33. Chapman Robert, Johnson Miriam, Wegmann Robert, New Economy: Careers and Job Seeking into the 21st Century, American Association for Counseling and Development, 1989

34. Chesterton G.K. The Adventures of Father Brown. - Moscow: Manager, 2001. - 256 p.

34. Dienes Z., Perner J. A Theory of Implicit and Explicit Knowledge // Behavioral and Brain Sciences. 1999. № 22 (5).- 735-755 p.

35. Jackendoff R.S. The Problem of Reality // Nous. - Bloomington, 1991. - Vol. 25(3), - 411 - 433 pp.

36. Stoker B. Dracula. - London: Penguin Books, 1994. - 450 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Meadows Donella, Meadows Dennis, Randers Jorgen The Limits to Growth, Universe Books - New York, 1972, pp. 48 - 87, 98- 133